

18+

НАТАЛЬЯ ПЛОТНИКОВА

МЁРТВАЯ ДЕВОЧКА НА ДОРОГЕ

Наталья Плотникова

Мёртвая девочка на дороге

<https://litres.ru/74149532>

ISBN 9785007002639

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Шестнадцатилетняя Рита погибает под колёсами автомобиля, но её метущаяся душа не желает покидать этот мир, и кто-то невидимый разрешает ей остаться в неожиданном воплощении.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мёртвая девочка на дороге

Наталья Плотникова

© Наталья Плотникова, 2026

ISBN 978-5-0070-0263-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сначала было больно, а потом стало страшно...

Рита. Мама назвала меня Маргаритой в надежде на то, что окружающие будут величать её дочь королевским именем Марго. Но никогда и никто, кроме мамы, меня так не называл. Всегда и для всех я была просто Риткой. Когда кто-то малознакомый случайно называл меня Маргаритой, я терялась, это было не моё имя, а имя какой-то чужой неизвестной мне девочки. Я Рита. Симпатичная, надеюсь. В меру взбалмошная, в меру непослушная, в меру хорошистка. По крайней мере, я была такой до недавнего времени.

Потасова Маргарита Фёдоровна. Теперь это имя написано на памятнике, который украшает мою могилу, то есть то место, где покоятся в ожидании воскресения мои мёртвые косточки.

— Рит, ну, Рита! — умоляюще, как ей казалось, просто-нала Лена. — Пойдём со мной, ну, пожаааалуйста.

— Да нет же! Как ты себе это представляешь? Тебя парень

позвал на свидание, а не меня. Не пойду я, глупо это.

— Я боюсь одна идти.

— Дура ты, Ленка. Вот если бы меня Марк на свидание позвал, я бы точно не боялась, а ты, как маленькая, ей-богу.

— Я и есть маленькая, — скривила Ленка лицо и показала мне язык.

— Ты на два месяца старше меня, — возмутилась я.

— Не пойдёшь, значит? — сделала последнюю попытку Ленка.

— Не пойду, — подтвердила я.

Ленка — дура. Два месяца вовсю старалась привлечь к себе внимание новенького Сашки, а когда он её пригласил на свидание, сразу на попятный, «в кусты», меня с собой попыталась зазвать. А нужна я ему там была, на свидании с Ленкой? Офигел бы он от такой наглости, и глупости, и не уместности и сбежал. А ещё Ленку душой бы назвал. И правильно бы сделал, дура она и есть, хоть и подруга мне. Мы с ней с первого класса вместе были. Ссорились, конечно, не без этого. Но наши ссоры — это всегда моя вина, а примирения —

Ленкина. Я была очень обидчива, очень. В своё оправдание могу сказать, что по мере сил я старалась бороться с этим нехорошим качеством, потому что обижаться — это величайшая глупость, а я не хотела слыть глупой, но всё равно обижалась часто.

Ленке нравился Сашка. Сашке нравилась Ленка. А Ритке нравился Марк. А вот Марку Ритка не нравилась. Во-первых, он был старше меня на два года и считал меня мааааленькой. Во-вторых, у него была краля, стерва в овечьем тулупе, так мы её с Ленкой прозвали. Стерва красивая. Ей восемнадцать, как и Марку. Он ей шарики на День рождения надувал гелием в магазине, где я подрабатывала по выходным, подлец. Улыбнулся мне тогда своей белозубой улыбкой как соседке, мы в одном подъезде жили. Я его с четырнадцати лет между прочим любила, да ему без разницы было, «привет», да и всё. Обидно. Хоть и глупо. Глупо и обидно. В этих двух словах я была вся — глупая и обидчивая. Теперь-то я это понимаю. Теперь я многое понимаю. Но ведь теперь поздно...

Ничего путного из этого свидания, естественно, не вышло. Почему естественно? Из-за Ленкиного настроения, конечно. Это во всех делах так: как настроишься — так и пойдёт. Она видите ли, не знала о чём с ним наедине разговаривать. Как водится, с погоды начала. Он весь из себя такой скром-

ный, она вся такая застенчивая, выводы из этого легко можно сделать. Хорошо, что я от природы не была застенчива. Не представляю, как бы я жила, будучи стеснительной. Мне мой темперамент нравился. Я вообще редко тосковала и со всеми находила общий язык, это как-то само собой получалось, я не старалась даже, значит, всё от природы, моей заслуги в этом не было, но я всё равно радовалась, что такая. Вот только от обидчивости мне очень хотелось избавиться. Что странно — на «просто знакомых» я не обижалась вовсе, а на близких часто: на маму, на папу, на сестру, на Ленку. Не могла себя понять в этом вопросе совершенно, может быть, гормональное что-то, а в гормонах я совсем не разбиралась.

А Ленка плакала, говорила, что жизнь кончена, она теперь замуж никогда не выйдет. По моему мнению, рано ей о таких вещах было думать, хоть она и старше меня на два месяца. Какой-то она ребёнок неразумный, беда с ней.

На меня вон Марк вообще не глядел, как на женщину, я имею в виду. Я ведь не плакала, а надеялась. Подкарауливала его в подъезде, когда он с учёбы шёл, якобы случайные встречи подстраивала. Разговаривала, с человеком надо разговаривать. Хотя с близким и молчать приятно. Но ведь это только с близким не возникает ощущения неловкости при молчании. А Марк тогда мне ещё не был близким. Правда, разговоры у нас в основном «привет», да «как дела?» Но

каждый раз подлиннее, хоть на предложение, да подлиннее.
Вода камень точит, а курочка, как известно, по зёрнышку
клюёт, успокаивала я себя.

Глава 2

Тогда я снова обиделась на Ленку. В нашей школе есть такой предмет как МХК, мировая художественная культура расшифровывается. Тот урок, после которого произошла ссора, был посвящён Сороке, Григорию Васильевичу. Меня потрясла его трагическая судьба и картины, от которых так и веяло умиротворённостью. Разве крепостной мог писать такие картины? Такие добрые, настоящие? Разве крепостной не должен быть обижен на весь свет?

Я сказала Ленке, что в будущем, не знаю в каком, но желательно обозримом, либо сниму о нём фильм, либо напишу книгу, либо что-нибудь в этом духе, чтобы все почувствовали то, что почувствовала я там, на уроке. Ленка сказала, что ничего особенного в Сороке нет. Он не единственный крепостной художник, известный истории. И, вообще, о Сороке мало кто знает, как о художнике. Тут мы поспорили. Я специально вышла на улицу, в одном платье в 28 градусов мороза, чтобы удостовериться в своей правоте и опровергнуть слова Ленки. Но права оказалась она. Трое из троих прохожих ни о каком Сороке слышать ничего не слышали. Ленка торжествовала, она сказала, что я и сама через неделю о нём забуду, так что не надо корчить из себя невесть кого, радетельницу за судьбы крепостных талантов, а я опять почув-

ствовала, как волна гневной обиды поднимается во мне, беря свои силы где-то в солнечном сплетении и доходя до горла, застревает там твёрдым комком.

На следующий день я в интернете читала психологические статьи о природе обидчивости. Много интересного откопала, так увлеклась, что хотела позвонить Ленке и поделиться с ней, но вовремя вспомнила, что мы в ссоре. Хотя обида прошла почти сразу, мириться с Ленкой я не спешила. Она тоже молчала весь школьный день. Я вполне себе хорошо общалась с другими девочками, да и с мальчиками тоже. А вот Ленка была одна, нет, я не злорадствовала, я её жалела, надеялась, что подойдёт, но она не подошла.

«Причина скрыта в воспитании, если ребёнку потакать во всех его капризах, поощрять его неправильное восприятие видения мира, то и во взрослой жизни ему будет очень некомфортно, потому что придётся сталкиваться с жизненными ситуациями, на которые его близкое окружение повлиять будет уже не в силах. В итоге формируется личность с низкой самооценкой, неспособная противостоять трудностям и предпринимать попытки к их преодолению, часто впадающая в депрессивное состояние, во время которого будет обвинять в своих бедах весь мир, в результате психика заикнется на обиде к окружающим, что может стать причиной неврозов.» Это я не сама придумала. Это я дословно ци-

тирую прочитанную статью из интернета. Не помню сейчас, на каком мудром сайте я это отыскала. Но я не была такой! Не была! У меня не было низкой самооценки, я не впадала в депрессии, я не... ребёнок, в конце-то концов. Я была почти взрослой женщиной. Ленки мне всё-таки не хватало. Почему она не подошла, как обычно? Гордость у неё. А у меня? И у меня была гордость. Но я старалась, статьи всякие вот читала. И я побежала за телефоном.

Сначала мы долго разговаривали по телефону, потом Ленка прибежала ко мне домой, я открыла дверь, и мы обе молча смотрели друг на друга и плакали. Я любила Ленку, я любила её сильно, даже, наверное, сильнее самой себя или по крайней мере также сильно, как себя. А свою семью я любила ещё сильнее, хотя куда уж тут было сильнее? Я обижалась не из-за капризов пустых, а из-за эгоизма, который тем не менее проистекал из любви. Мне почему-то казалось, что близкие любят меня гораздо меньше, чем я их. А я хотела, чтобы меня любили также сильно, мне было необходимо, чтобы они без меня просто шагу ступить не могли, а моё мнение о чём-либо было для них авторитетным. Это мне Ленка объяснила. Та самая Ленка, которую я знала с первого класса, та, которая дура, которая не представляет, о чём разговаривать с парнем на первом свидании. И когда это она успела поум-

неть?

А потом мы разработали план, ибо с меня уже хватит, решила я. Сколько можно было бродить вокруг да около. Надо уже было брать. Кого? Ну Марка, конечно, кого же ещё. Хотя «разработали» это слишком, план мы банально слямзили из этих глупых сериалов. Сериалы, может, и глупые, а план вполне показался нам подходящим. Какой же тупой эгоисткой я тогда была. Разве можно так бесцеремонно влезать в чужую жизнь и душу своими грязными лапищами?

— Нужен другой мужик, — категорично заявила Ленка, забравшись с ногами на мой диванчик.

— Она не посмотрит на другого, когда есть Марк, — не согласилась я. — Я бы точно не посмотрела.

— А мы такого найдём, на которого посмотрит, — возразила оптимистично Ленка, забрасывая в рот сухарик.

— И где мы его найдём? — хмыкнула я. — А если и найдём, то почему бы тебе такого замечательного парня себе не оставить?

— Мы попросим Танькиного брата! — гордясь собой, выложила Ленка.

— А он так и согласится, — в тон ей ответила я. Танька тоже как бы наша подруга, живёт в одном дворе с Ленкой. Она красивая, а её брат ещё красивее. Ему девятнадцать, какое-то время назад Ленка по нему страдала, да не нравилась она ему. Никаких девушек в его окружении не наблюдалось, видимо, поэтому Ленка и решила сбить стерву с пути истинного с его помощью.

— Он точно не согласится, — завертела я головой отрицательно. — Он красивый, конечно, но... нет, нам его нипочём не уговорить.

— Нам нет, а Таньке да.

— И Таньке нет, — не согласилась я.

— Танька его заставит, — усмехнулась Ленка недобро. — Она про него кое-что знает.

— Он покуривает что ли? Так ему девятнадцать, не думаю, что родителей это шибко удивит.

— Не, не покуривает, — округлила страшно глаза моя подруга. — Он совсем недавно стал... папочкой.

— Чтооооо? — в этом месте я почувствовала, как мои глаза от удивления практически выпадают из орбит. — Митька стал папочкой. Боже мой! Да быть этого не может!

— Ещё как может. И не заниматься он к друзьям уходит, а работать. Ра-бо-тать. Ребятёнка-то содержать надо. Хотя... в этом смысле он, конечно, молодец. Не бросил.

— А ты откуда всё это знаешь? — прищурилась я, по счастью, глаза всё-таки остались на своём месте.

— Танька мне ещё месяц назад рассказала по секрету.

— И ты молчала, — я снова почувствовала обиду. Знала и молчала. «Ну как же так?» — распереживалась я.» У них есть от меня секреты. Неужели Танька ей ближе, чем я?» Все мои мысли разом тут же отразились на моём лице.

— Ты снова обиделась? — без обиняков спросила Ленка.

— Нет, — проглотив комок, ответила я.

— Хорошо, исправляешься на глазах, — улыбнулась по-друга кончиками губ, пристально посмотрев в мои глаза.

— Хорошо, — подтвердила я и тоже постаралась улыб-

нуться, кривоватая вышла улыбка, губы дрожали, я чувствовала их дрожь. — Что там с Митькой?

— У него есть ребёнок. У него и у некой Марины. А Марине между прочим семнадцать не так давно стукнуло. Не так давно. То есть, когда она забеременела от твоего «подзащитного,» то явно была несовершеннолетней.

— Это неправда! — я снова горячо кинулась защищать Митьку. — Не мог он так поступить с девушкой. И как случилось, что родители не знают, а Танька узнала? Дура твоя Танька, и ты дура, раз ей поверила.

— Сейчас я, кажется, обижусь, — надула и без того пухлые губы подружка.

— Не верю я, не верю, хоть убей меня не верю, — я встала ногами на диван и запрыгала. — В жизни большей бредятины не слышала. Не такой Митя, не такой.

— Ой, а тебе-то откуда знать, такой он, не такой...

— Вот и знаю, знаю, знаю, — упрямо защищала я Митю.

Я и правда знала. Этот ребёнок, если он вообще не является плодом воображения этой полоумной Таньки не мог быть

Митькиным. Это ребёнок кого-то другого. И если Митьке нужно, чтобы Танька считала иначе, значит, пусть она так и считает.

— Ну даже если и Митькин, — сказала я, растягивая слова. — Мы не уподобимся Таньке, мы не прибегнем к жалкому шантажу. Мы выше этого.

— Ага, выше, а низкие планы всё-таки строим, — съехидничала Ленка.

— Это не низкие планы, мы... проверяем стерву. Если она любит моего Марка, я... смиренно отойду в сторону, склоняя голову перед истинной любовью, — торжественно провозгласила я.

— Но где мы возьмём рокового мужчину? Я на Митьку рассчитывала, когда предложила.

— Мы Макса попросим. Ему уже семнадцать, выглядит он старше, характер у него препротивный, думаю, он согласится нам помочь, хотя бы из желания сделать «каку» окружающим.

— О да. Думаю, твоя идея лучше, — согласилась Ленка. Хоть от Митьки отступилась, слава Богу. Что же это всё-таки

за ребёнка?

Макс Волжанин. Богатенький маменьки-папенькин сынок. У папы в хозяйстве имеется туристическое агентство и небольшая, но сеть продуктовых магазинов. Сынок избалован донельзя и хамоват, учителя в шоке, одноклассники в напряге, но к нам с Ленкой относился вроде бы неплохо, я не обольщалась на свой счёт, да и на Ленкин тоже, просто моя мама — преподаватель в художественной школе, а Макс имел счастье или несчастье туда «ходить» одно время. Моей маме палец в рот не клади, она мигом урезонивала кого надо и кого не надо аналогично. Так что Макс неплохо относился ко мне «чисто из уважения» к своему бывшему наставнику. Но, я подумала, что идея проверить стерву на вшивость ему придётся как раз по душе, он себя неотразимым считает. Эдвард Каллен доморощенный.

И Макс не отказал. Мне показалось, что он даже обрадовался, как будто всю свою семнадцатилетнюю жизнь только и ждал того, что ему сделают подобное предложение. И дождался-таки. Мелькала ли в моей голове тогда мысль о том, что совершаемое нами действие не есть гуд? Да, положи руку

на сердце, мелькала. Но ведь в любви и на войне все средства хороши. И потом, если стерва оказалась бы выше всего этого, то я поплакала бы, конечно, но смирилась. В самом деле смирилась бы, считала я самонадеянно.

Выяснить, где живёт стерва для нас с Ленкой оказалось проще простого: мы за ними проследили. Марк как истинный джентльмен и мужчина мечты, естественно, провожал свою девушку до дома. Машиной он тогда ещё не обзавёлся, иначе нам бы за ними было не угнаться. А так они медленно шли по заснеженной улице, увлечённые друг другом и не замечали, что за ними следят два подростка в четыре глаза. Я ревновала жутко. Хоть Марк и не мой парень, а её, но я ревновала. Ему не было никакого дела до прохожих, он смотрел только на неё, говорил с ней, держал её за руку, одетую в пушистую варежку. У меня даже под ложечкой засвербело от ревности и осознания того, что мы совершаем непоправимую ошибку, не должны мы исполнить то, что задумали. Но Ленка тянула меня вперёд, и я покорно шла за своим любимым и его возлюбленной.

Глава 3

На следующий же день Макс вступил в игру. Стерва ходила в яркой салатной шапке, по этой выдающейся детали Макс и предстояло её узнать. Правда, для этого ему пришлось прогулять занятия в школе. Впрочем, это нашего напарника (или правильно будет пособника?) ничуть не смущало. Я знала, что стерва учится заочно, а при этом ещё подрабатывает администратором в небольшом салоне красоты. Где ещё стерве работать? Задача Макса была в том, чтобы подкараулить её возле подъезда, спросить что-то типа, как пройти в библиотеку и при этом постараться понравиться настолько, чтобы она позволила ему проводить себя до работы. Ну а там... там уж как пойдёт. В лжеобаянии Макса я не сомневалась, но у стервы был Марк, а с ним никто не мог сравниться.

Все занятия мы с Ленкой сидели как на иголках. Ещё бы! Нас вполне можно понять. После школы побежали ко мне домой, предварительно созвонившись с Максом, на уроки он так и не пришёл, хотя на парочку вполне мог бы успеть. Макс загадочно улыбался в телефонную трубку, я прямо-таки чувствовала эту его дурацкую улыбку. Он пришёл, гордый собой и надменный. Одного только взгляда на него хватило, чтобы

понять: получилось, у него всё получилось. Мне тут же стало обидно за Марка. Ну как же так? Он ведь в неё влюблён, кажется, а она... стерва подлая.

— Вашу стерву зовут Анечка, — сказал он, потягивая кофе с корицей. — Красивая, между прочим.

— А шапка-то у неё какая замечательная, — в тон ему протянула Ленка. — Мы хотим подробностей. Всё до мельчайших деталей.

— Во-первых, она сегодня не работала. И ни в какие полдесятого из дома не вышла. Я уже собрался уходить, потому что замёрз из-за вас, как тут она нарисовалась. В дублёнке и яркой шапке, всё, как вы сказали.

— Ну, а ты? Ты? — поторопила я.

— А я... неотразим, подкатываю к ней, улыбаюсь своими замёрзшими губами. «Подскажите, — говорю, — милая девушка, как мне до почтового отделения добраться?»

— А она? — восхитилась Ленка Максом.

— Это судьба, — захохотал он. — Она шла именно туда.

— Да ты что? — мы обе аж подскочили на табуретках. — Правда, что ли?

— Я вас когда-нибудь обманывал? — серьёзно спросил он.

— У тебя просто не было возможностей, — заметила я справедливо. — И?

— И мы пошли плечом к плечу.

— О чём вы разговаривали? — спросила Ленка, забыв и про кофе, и про пироженки, и про всё остальное на свете.

— Обо всём, — задрал подбородок вверх Макс. — Она такая милая, да и я такой симпатичный. Представляю, как замечательно мы смотрелись со стороны.

— Ммм... — простонала Ленка, как мне показалось, завистливо. Она-то так не умеет, с незнакомцем и обо всём.

— В общем, она дала мне свой номер телефона.

— Так просто! Боже мой! Стерва она и есть. Первому встречному дала! — завозмущалась я.

— Только номер, только номер, — захохотал вульгарно Макс.

— Всё равно, это подло по отношению к Марку.

— А вы, значит, не подло поступаете, — хмыкнул наш пособник.

— Как выясняется нет, — ответила я. — Лучше как можно раньше Марку указать на её гнилую суть.

— Бедный Марк, — жалостливо протянул Макс. — Ну и бабы ему на пути встречаются. Одна честнее другой.

— Кстати, тебе больше нельзя сюда приходить! — сообщила я. — Вдруг ты со стервой столкнёшься.

— С Аааанечкой, — очень приторно протянул Макс и поцеловал кончики своих пальцев.

— Тьфу, — зло сплюнула я. — Какая гадость. Понравилась тебе эта девушка облегчённого поведения?

— Я бы даже сказала «супер лайт», — вставила Ленка. А я почему-то почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Я встала и подошла к раковине, чтобы никто не заметил

этого предательства моего организма. Марка я после этого полюбила ещё больше, за его наивную доверчивость.

Я отчего-то затосковала. Очень часто какая-то странная грусть стала охватывать меня с самого момента пробуждения и держать в течение дня. Это состояние не было вызвано никакими причинами, жизнь моя текла, как и прежде: школа, подруги, любовь к Марку. Откуда же тоска? Ленка говорила, что я взрослею. Но разве взрослеть означает тосковать?

Макс был весел. Говорил, что Анечка от него в восторге. Они даже в кино ходили вместе. За его счёт, он с меня никаких денег не попросил, хотя мог бы. Я видела Марка и искала в его глазах следы грусти. Не находила, он ещё не знал тогда, что стерва нашла ему замену.

— Привет! — улыбнулся мне мой кумир и губами, и глазами.

— Привет, — посмотрела я на него. Бедный, бедный. И тут я решилась. — Как поживаешь?

— Хорошо, чего и тебе желаю, — засмеялся он. — Как твои дела?

Мы стояли возле нашего подъезда, снег пушистый и тёплый, он падал на его ресницы, невозможной длины. Зачем мальчику такие ресницы?

— Не знаю, — честно призналась я. — Что-то тоскливо мне в последнее время... без всяких видимых причин.

— С чего бы вдруг? — удивился он. — Вроде, ты всегда весёлая, всегда в настроении, с подружками...

— Не знаю, — снова сказала я и почувствовала пощипывание в носу, слёзы скатились по моим щекам. — Не знаю.

— Ну, ну, — неловко начал успокаивать меня кумир. — Не надо. Чёрт, совершенно теряюсь, когда девочки плачут.

Я улыбнулась. Какой же он был милый.

— А приходи ко мне в гости, — совершенно неожиданно сказал Марк. — Мама вареников настряпала.

— С творогом? — зачем-то спросила я. Хотя я на любые бы пошла.

— С картошкой, — засмеялся он.

— Пошли. А мама твоя ничего не скажет?

— Если ты не вытрешь слёзы обязательно скажет, подумает, что я тебя обидел.

— Разве ты можешь кого-то обидеть? — слёзы мои высохли, я засияла подобно мартовскому солнцу.

— Пойдём, соседка, — он дотронулся до моего плеча. Совершенно безобидный жест с его стороны, но я вздрогнула. Он до меня дотронулся. «Господи! Пусть он станет моим, ну, пожалуйста!» — попросила я.

После этого дня я толкала Макса на решительные действия. Поцелуй её, возьми за руку, пригласи домой, сделай же что-нибудь, чтобы навсегда отворотить моего Марка от этой ужасной девушки. Она его не достойна, а я буду.

— Да что с тобой? Развела мерехлюндии, — потрясла меня за плечо Ленка. — Ты сама на себя ходишь не похожая. Всё же хорошо складывается. Радоваться надо, а ты.

— Я радуюсь, — вяло возразила я.

— Угу, — согласилась подружка.

— А вдруг он её любит? Вдруг её измена убьёт его?

— Ты утетишь, — фыркнула Ленка. — Парни не умирают от любви, это наша привилегия.

— Марк не такой. Он особенный.

— Это тебе любовь глаза застит, такой же, как и все они.

— Я не понимаю себя, Ленка. Со мной что-то странное происходит. Знаешь, я хожу по городу и будто прощаюсь.

— С кем? — не поняла Ленка.

— Со всем. С улицами, храмом, деревьями, жителями. У меня такое ощущение будто я уезжать отсюда собралась.

Ленка посмотрела недоверчиво.

А вы поверили. Зря. Ничего этого не было. Как не было этого разговора. Я больше не тосковала и ничего подобного не чувствовала. Я вся была в своей любви к Марку, с тех пор, как я поела вареников в его доме, за одним столом с ним,

тоску мою будто рукой сняло. Я радовалась и почти что торжествовала, предвидя скорое наше воссоединение. Сейчас мне хочется думать, что я мистическим образом заглянула в будущее и знала, что погибну. Нет, я никуда не заглянула и ничего не знала. Когда слёзы высохли в моих глазах там, на кухне, возле раковины, я твёрдо решила отнять Марка у стервы. Пусть ему будет больно. Это ведь только в начале, а потом он должен был, по моему разумению, понять, что его судьба это я. Потому что я бы никогда не предала. Тогда я не понимала, что уже предаю его.

Я снова подкараулила Марка в подъезде. Просто села на ступеньки и сказала, что забыла ключи от дома, а замок у нас захлопывается. Это была чистая ложь, но он поверил и снова пригласил к себе, подождать, когда кто-то из моих явится домой. Мы были одни. Он смешно хлопотал на кухне, заваривал чай в китайском глиняном чайничке, в их семье пакетированный, видимо, не был в почёте, в отличие от нашей. Какие у него красивые глаза. Голубые-голубые, огромные, они словно в душу мне заглядывали. Но в моей душе его глаза не могли прочитать информацию о моих коварных планах.

— А это ничего, что мы здесь с тобой вдвоём? — поинтересовалась я невинно. — А то вдруг придёт твоя девушка,

подумает что-то не то, неудобно получится, — я даже почувствовала, как покраснела слегка.

— Она ничего такого не подумает. Брось, — засмеялся он. — Да и не придёт она, некогда. У неё сессия.

— А... — протянула я. Сессия, значит, а с Максиком в кафешку ходить у неё нет сессии. Выдумала она всё, чтоб с дружочком милым чаще встречаться. Стерва. И проститутка.

— А как вы познакомились?

— А тебе зачем? — снова засмеялся мужчина моей мечты. — Лучше ты про себя расскажи. Мне про тебя интересно. А то сидишь на моей кухне, чай пьёшь, а я о тебе ничего и не знаю, кроме того, что соседка.

— Ну, я школьница ещё. Учусь. По выходным вот в магазине подрабатываю.

— А парень у тебя есть? — Марк смотрел заинтересованно. Я вся затрепетала. Он хочет знать, есть ли у меня парень. Неспроста, это же ясно. Я ему нравлюсь? Я ему нравлюсь! Боже мой, я ему нравлюсь, это же практически признание. Иначе с чего бы ему интересоваться моей личной жизнью?

Я не знала, как лучше ответить. Вроде, хочется поопытней казаться, но, с другой стороны, и врать не с руки, запросто можно проколоться на чём-нибудь.

— Ну... есть и в тоже время нет, — неопределённо ответила я.

— А так бывает? — не понял он.

— Бывает, — вздохнула я. Мы помолчали. Даже молчать с ним было приятно.

— А ты читать любишь? — неожиданно для себя самой вдруг спросила я.

Он удивлённо изогнул брови:

— А какой ответ правильный?

Я засмеялась:

— Правдивый.

— А ты всегда говоришь правду? — не поверил он.

— Я стараюсь, но это не всегда получается, — скромно потупила взор.

— Да, я люблю читать. Ты, я понимаю, тоже.

— О да. Очень.

— А какие книги?

— Хорошие люблю. А плохие не люблю, — ответила я.

Он улыбнулся:

— Но это же всё относительно. Какие для тебя хорошие, мне могут показаться плохими. Просто, как говорят не ЦА.

— Да. В этом ты прав.

— А в кино ты любишь ходить?

Я почувствовала, как краска смущения заливает лицо. Я, кажется, поняла Ленку, тяжело разговаривать с парнем, от которого ты реально без ума. Он хочет меня пригласить? Так быстро?

— Люблю. Только редко получается. Не с кем.

— А как же тот парень, который как будто есть?

— Я не хочу с ним, — нашлась я. — Мы разные фильмы любим.

— Тебе всякие слёзы нравятся?

— Почему раз девочка обязательно слёзы? Я глубокие фильмы люблю, чтобы подумать, попереживать. И с книгами также.

— Да ты, оказывается, умная? — в его глазах скакали озорные огоньки.

— Нет, — смутилась я. — Я совсем не умная.

— Дурочка? — поразился он.

— Почему дурочка? — я повысила голос. — Не надо меня по всяким категориям квалифицировать.

— Ты особенная, — понимающе кивнул он. Совсем мне этот разговор разонравился. Что я должна была на это ответить? И так ответишь плохо, и так не ладно. Всё не слава Богу.

— Я обычная. Просто люблю то, что люблю и не люблю то, что не люблю, а люди вообще все разные, если ты этого так ещё и не понял. И все особенные. По-своему.

— Кроме тебя? — уточнил он, его голубые глаза смотрели в мои серые, я поняла выражение «тонуть в глазах», я тонула, я даже не пыталась плыть, я пропала окончательно и бесповоротно.

— Что кроме меня?

— Ты только, что сказала, что обычная, а все особенные, — уточнил он.

— Совсем ты меня запутал, — укоризненно сказала я. — Я уже сама засомневалась на свой счёт. Кто я? Существую ли я вообще? Сижу ли я на твоей кухне? Я ли сижу на твоей кухне?

— Ты не обычная. Ты очень милая, — в который раз засмеялся он. Это хорошо. Я заставляю его смеяться. Это важно.

— «Звёздные войны», — сказала я, выстроив в голове логическую цепочку.

— Что «Звёздные войны?» — не понял он.

— Сейчас в кино идёт продолжение. Я ещё не видела, а посмотреть жуть, как хочется. Ленка такое не любит. И... Макс тоже.

— Твой парень не любит «Звёздные войны»? — удивился Марк. — Бросай его.

Я засмеялась.

— А хочешь вместе сходим? Я тоже ещё не видел...

Конечно, я хотела.

А потом, после кино, мы медленно-медленно шли по городу. Нет, он не держал меня за руку и не заглядывал в глаза преданно, но он говорил. Об институте, о «Звёздных войнах», о работе (он по выходным помогал своему дяде в авто-сервисе), о книгах, которые ему нравятся. Мы говорили обо всём. И ни разу за весь вечер он не упомянул свою стерву, и ни разу нас не потревожил её телефонный звонок.

Глава 4

Мы с Ленкой шли домой после школы, и я, не в меру говорливая особа, зачем-то рассказала ей про наш поход в кино.

— Знаешь, — сказала подружка. — Если она такая, то и он такой.

— Какой? — насупилась я.

— Она с Максиком погуливает. Так и ведь он с тобой по киношкам ходит. То есть банально ей изменяет. Ну или почти изменяет. Кино... это ведь тоже интимная вещь.

— Это не измена, мы просто по-дружески. Не надо их сравнивать, — горячо запротестовала я, защищая кумира.

— Так и она, может, по-дружески. Откуда мы-то знаем?

— Мы давно с ним знакомы, я появилась в его жизни раньше стервы, — настаивала я.

— Ты меня не переубедишь. Они друг друга стоят. Он уже готов предать её.

— Нет. Он хороший. Хороший. Всё не так. Ему грустно, он скучает, она встречается с Максом, а ему врёт про сессию.

— Значит, ты согласна стать временной заменой тоскующему? — съехидничала Ленка.

— Ты совсем не понимаешь ничего, — приготовилась я обидеться.

— Не обижайся, просто я пытаюсь быть объективной.

— Я думаю, что он просто наконец-то меня разглядел.

— Увидел, как ты прекрасна, — пропела Ленка.

— Неповторима, — в тон ей пропела я. Мы захохотали. Ссора потухла.

Прошло три дня. После нашего спонтанного похода в кинотеатр ничего особенного не произошло, зря я настроила всяких планов: он зайдёт, он пригласит, он подкараулит меня в подъезде. Нет. Будто ничего и не было. Сколько я не сидела на подоконнике своей комнаты, пытаюсь высмотреть

Марка или хотя бы его милую стерву Анечку в окно, всё было тщетно. Видимо, домой он приходил либо поздно, либо во время, когда я школе. Я забросила Ленку и гулянки, я бы и школу забросила, чтобы подкараулить Марка, но родителям ведь этого не объяснишь. Можно было, конечно, по-соседски постучать в его дверь, но было стыдно. Ни соль, ни сахар не могли прокатить, он сразу бы догадался, что я пришла к нему. В выходной день я снова подрабатывала в цветочном магазине. Колокольчик звякнул привычно, но вот покупатель был совсем необычным. Это был он. Марк. Марк, в шапке, припорошенной снегом, с неповторимой улыбкой на лице и невозможным взглядом голубых глаз.

— Привет! — сказал он. — Как дела?

— Хорошо всё, — не придумала я ничего умнее. А мне хотелось быть умной для него.

— Мне нужен букетик цветов. Только не розы. Не люблю розы. А ты?

Я пожала плечами, стараясь казаться равнодушной. Ну, сходили в кино и сходили. Ничего особенного не произошло, посидели два часа молча в темноте.

— Вот герберы есть красивые. На ромашку похожи. Мне

правятся.

Подошла хозяйка магазина, спросила, нужна ли помощь. Я расстроилась, сейчас она атакует Марка своим вниманием и всё, никакого разговора не выйдет. Но Марк очень вежливо ответил за меня:

— Спасибо. Мы прекрасно справляемся. Герберы — это то, что нужно. Мы выберем самые красивые.

Хозяйка кивнула и ушла в подсобку.

Мы выбирали цветы. Марк только и говорил: «вот это, этот тоже и этот.»

Я красиво завернула цветы в нарядную бумагу, а затем в плотный крафт, чтобы они не замёрзли. Расстаралась для стервы. Марк подал мне деньги. Улыбнулся и вышел. Вот и поговорили. Очень славно пообщались.

— А в честь чего это Марк принёс тебе цветы? — с порога спросила Маринка, моя младшая четырнадцатилетняя сестра. Блондинка с голубыми глазами, Барби этакая, на неё уже тогда старшие парни заглядывались. Да она о них ещё и

не думала. Как о парнях для отношений, я имею в виду. И слава Богу.

— Что? — завопила я. — Мне Марк принёс цветы? Где они?

— В твоей комнате.

Я, не снимая обуви и одежды, понеслась в комнату.

Они были там. Герберы в красивой упаковке. Только внутри букета ещё лежала маленькая открыточка: «Спасибо за замечательный вечер.» Дальше шли смеющиеся рожицы.

— Прочитала? — строго уставилась я на сестру.

— Вот ещё, — задрала она нос. Прочитала, поняла я.

— И мама тоже, — подтвердила сестра. Мама тут же заглянула в комнату.

— И? — она кивнула на цветы. — Что за отношения у тебя с Марком?

— Нет никаких отношений, — я старалась говорить бес-
печно. — Ему не с кем было идти на «Звёздные войны», я

составила ему компанию. Всё.

— Ведь у него есть девушка, — упрекнула Марка мама. Да сдалась им эта девушка.

— И что? Мы же не на свидание ходили. А так... по-соседски.

— Ну, смотри, чтобы ничего такого...

— Ничего такого быть не может. У него и в самом деле есть девушка, просто она сейчас вся в учёбе.

— А она ничего не скажет, если узнает? — встряла сестра.

— Ничего. Она знает, — соврала я. — Мы из этого секрета не делаем. Что привязалась-то?

— Ну, ну, — покивала недовольно головой мама, всё ещё подозревая нас в чём-то дурном, — Идите есть.

Марк принёс мне цветы! Марк принёс мне цветы! Марк принёс мне цветы! Я ликовала. Но только в душе, тайно. Я поняла, что на первых порах от семьи свои чувства придётся скрывать.

После ужина я собралась сходить до Ленки, рассказать о цветах. Я уже оделась и вышла в подъезд, но тут вспомнила её слова, сказанные мне после того, как я разболтала ей о нашем с Марком походе в кино. Внутренний голос просто завопил: «Не говори, не надо.» Она опять начнёт говорить плохо о Марке. А вдруг она всё-таки права? Меня даже зазнобило от этих мыслей. Стерве некогда, Марк решил просто развлечься с «сопливой» соседкой, пока его возлюбленная занята. Конечно, он ещё не знает, что занята она свиданиями с другим парнем. И я пошла к Марку. Теперь у меня был повод — сказать ему спасибо за цветы. Я почему-то была уверена, что стоит мне его увидеть, как я всё сразу же и пойму. Я надеялась разглядеть в его глазах наше светлое будущее. Не разглядела. Он пригласил меня войти. На вешалке я увидела стервину дублёнку и яркую шапку.

— Нет, нет, я только хотела поблагодарить за букет. Так неожиданно, — шёпотом сказала я и растерялась вконец.

— Это тебе спасибо, что вывела меня, — также шёпотом засмеялся он. — Может, всё-таки останешься? Чай? Кофе?

— Нет, нет, — я вышла. Он закрыл за мной дверь, шепнув на прощание:

— Заходи как-нибудь, поговорим.

Злые слёзы душили меня, когда я бежала к Ленке. Ничего я для него не значу. Права Ленка, временная замена, пока стерва погуливает на стороне. Как мне хотелось ему всё рассказать. Надо было зайти, посмотреть стерве Анечке в глаза, и всё выложить. Не доставайся же ты никому!

— Ленааа, — я всё-таки прибежала к ней, злая, плачущая, растрёпанная, шапку я потеряла где-то по дороге и даже не заметила этого.

Ленка отпаивала меня чаем в своей комнате, спрятав от глаз мамы — тёти Наташи — а я самозабвенно рыдала и сквозь слёзы и сопли рассказывала ей свою скорбную историю.

— Так ведь это хорошо! — воскликнула Ленка, выслушав.

— Что хорошо-то? — я даже рыдать перестала.

— Значит, Марк твой не такой, как стерва. Не собирался он ей изменять с тобой. Он действительно по-дружески тебя пригласил. Он хочет с тобой дружить. И он не подлец и изменщик. А ты ему нравишься, раз цветы принёс.

— Ты правда так думаешь? — всхлипнула я.

— Конечно. Значит, Макс должен активизироваться. А ты дружи с Марком дальше. Когда стерва его бросит и переметнётся к Максику, ты окажешься рядом. И всё будет океюшки.

— Не говори это слово.

— Какое? — не поняла подружка.

— Океюшки. Оно такое же дурацкое, как этот праздник, который будет завтра. Интересно, а Марк его отмечает? Купит он валентинку для стервы своей?

— Значит, праздник дурацкий, — хмыкнула Ленка. — А я и тебе подарочек припасла. Но дарить тогда не буду. В прошлом году ты его дурацким не считала, кстати.

— Поумнела, — улыбнулась я. — А что ты мне купила? Потому что я тебе ничего.

— Смотри, что, — Ленка достала из шкафчика серебряную иконку. — Это Маргарита Гунароноуло. Маргарита для Маргариты.

— Спасибо, — я обняла подругу. — Это замечательный подарок. Только я совсем ничего не знаю о Маргарите... Гуа...

— Гунаронуло. А я специально узнала для тебя.

У меня снова слёзы навернулись на глаза. На этот раз от благодарности. Как я люблю Ленку!

— Эту твою Маргариту канонизировали совсем недавно, получается. Её большевики расстреляли в начале двадцатого века. Она... как это... новомученица. Пусть тебя оберегает её образ.

— Спасибо, — ещё раз поблагодарила я и обняла подругу. Мне и в самом деле было приятно получить такой подарок. Даже приятнее, чем цветы от Марка. Хотя сильно верующей я себя не считала. Крестили меня маленькой, а в церковь я ходила редко. К Богу обращалась только мысленно, когда мне что-то очень сильно было нужно. В последнее время я только Марка у него и просила.

Когда я вернулась домой, меня несказанно порадовал папа. Похоже то, что Марк подарил мне цветы, в нашей семье стало событием дня.

— Ты встречаешься с Марком? — спроси папа, как бы невзначай, между делом, не отрываясь от компьютера. Но я-то знала папу, небось, весь вечер собирался с мыслями, как лучше мне рассказать про отношения мальчиков и девочек.

— Пааап, — протянула я. — Ну хоть ты-то не начинай. Мы с Марком не встречаемся.

— Просто я хотел дать тебе дружеский совет, если нужно, — папа повернулся и посмотрел в мои глаза. Я похожа на папу очень сильно. Такие же серые глаза и каштановые вьющиеся волосы. Я похожа на папу, как может быть похожа на папу дочка.

— Как пацан пацану? — улыбнулась я.

— На этот раз нет, — улыбнулся и папа.

— Ну, пааап, я не встречаюсь с Марком. И я не маленькая.

— Вот именно это меня и пугает.

— У Марка есть девушка, и я вовсе не собираюсь с ним... — тут я запнулась.

— Что не собираешься? — заинтересовался папа.

— Встречаться с ним, — нашлась я.

— А цветы?

— Дружеско-благодарственный жест.

— Если что, имей в виду, что я всегда открыт для диалога.

— Конечно. Я знаю.

Я пошла в свою комнату. «Столько разговоров из-за одного букета, — подумала я.— А что будет, когда я действительно начну встречаться с Марком?»

Глава 5

Но дальше цветов дело не пошло. Хотя Марк и сказал: «Заходи», я не заходила. Не хотела столкнуться со стервой. Я даже больше не подстраивала случайных встреч в подъезде. Я как-то застеснялась что ли. Я по-прежнему выглядывала его в окне, но на встречу не спешила, он тоже меня больше не искал. И только Макс продолжал свои свидания с Анечкой, работая на нас. По его рассказам они встречались почти каждый день. Но дальше походов в кино и кафе дело не шло, ни прикосновений, ни поцелуев. Не думала, что Макс такой нерешительный. Или это стерва цену себе набивала, держа его на некотором расстоянии?

Иногда в окне я видела Марка вдвоём со стервой. Я не могу сейчас описать те чувства, которые испытывала в тот момент: ревность, гнев, обида, злость, — там было всё. И даже стыд. Чего я стыдилась? Наверное, голоса совести, который иногда нашёптывал мне, что наше дело отнюдь неправое.

После того разговора с папой я залезла в интернет, чтобы почитать о преподобной Маргарите. Затем я надела иконку-подвеску на гайтан, ещё раз полюбовавшись подарком.

«Буду носить, — решила я. — А ещё тоже сделаю Ленке подарок. Это будет просто подарок, никакого отношения к западному Дню влюблённых он иметь не будет.»

После школы я, отказавшись от Ленкиного приглашения погостить у неё, пошла по магазинам. Я искала что-то необычное, чтобы порадовать подругу также, как она меня. Но ничего особенного не находилось. Но вот в коридоре торгового центра, уже уходя после часа бесполезных прогулок по так называемым бутикам, я увидела рекламное объявление «Оригинальные подарки к любому празднику и торжеству. Гравировка. Подвески. Свадебные замки. Адресники.» Я позвонила по указанному в объявлении номеру телефона и через час стала довольной обладательницей двух браслетов. На одном — половинка сердечка с выгравированной надписью: «Дружба выше...» На втором — тоже самое. Один я подарю Ленке, а другой оставлю себе. Когда в очередной раз в моём сердце зародится обида на подругу, я просто взгляну на браслетик и прочитаю. Дружба выше... Вообще-то, я хотела сделать что-то по аналогии с кольцом Соломона.

Ленка была в восторге. Мы тут же напялили браслетики на руки, немного всплакнули. Ну может, и не всплакнули, но слёзы в Ленкиных глазах зримо присутствовали, мои тоже наполнились влагой. Мы решили, что будем стараться ссо-

риться как можно реже, если уж без этого совсем никак, а дружбу нашу пронесём сквозь года, и даже будучи старенькими, не забудем друг о друге, разве что нас поразит какая-нибудь болезнь памяти.

Память — то, что делает человека человеком. Я выполню своё обещание. Я буду помнить тебя, Лена, даже там, куда я отправлюсь. И ты, пожалуйста, пожалуйста, Лена, помни обо мне. Мне так нужно, чтобы ты обо мне помнила. И прости.

Ленка всё-таки сделала подарок Сашке. Он ей нравился несмотря на крайне неудачное первое свидание. По её словам, он был очень и очень рад. Самое странное в этой ситуации то, что он тоже приготовил ей подарок, но вручить не решался, думал — она в нём разочаровалась окончательно и бесповоротно. Ленку не так просто разочаровать, она прощает до последнего. Счастлив будет кто-то с такой женой.

Я встретила Марка. Абсолютно случайно мы столкнулись в нашем дворе. Таких потерянных глаз я у него ещё не видела. «Он догадывается о стерве?» — мелькнула мысль тут же. Я почему-то испугалась.

— Привет. Как дела? — я постаралась улыбнуться.

— Привет. Давно не виделись, — он растерянно улыбнулся в ответ, не ответив на мой вопрос.

— Да, не виделись, — подтвердила я. Раньше-то мы почти каждый день сталкивались, исключительно из-за моего желания. — С праздником Защитника Отечества, прошедшим.

— Спасибо.

Говорить было больше не о чем. Но эти потерянные глаза не давали мне уйти просто так.

— А ты в армию сходить собираешься? — поинтересовалась я, чтобы что-то спросить. Хотя мне, по большому счёту, было всё равно, пойдёт он в армию или нет. Я тогда любила его безоговорочно: мне кажется, скажи мне он тогда, что не любит детей, стариков и собак, для меня бы в тот момент это ничего не изменило.

— В армию? — он удивился вопросу. — Да, конечно. Закончу институт и схожу.

— Ты сам хочешь или потому что надо?

— И хочу, и надо, и вообще... армия делает из мальчика мужчину, знаешь ли.

— Как роддом из девочки женщину, знаю-знаю, — глупо кивнула я.

— Из девочки женщину делает мужчина, — на мою глупость сказал он откровенную банальность.

Мы снова помолчали. Разговор явно не клеился.

— А может... теперь ты ко мне в гости? Я у тебя уже сколько раз была, а ты у меня ни разу.

— Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз.

— Ведь что-то же случилось? Пойдём, — я неожиданно для самой себя взяла его за руку. — Ты спас меня от тоски тогда. Теперь моя очередь спасать.

Он посмотрел в мои глаза. От его взгляда сердце моё перекувыркнулось.

— А, пошли, — согласился он. Я обрадовалась, искренне надеясь, что сестра гуляет с подружками. Родители точно

были на работе.

Когда чай был благополучно разлит по чашкам (странно, что мне это удалось, потому что руки мои дрожали), я попыталась выяснить причину тоскливого настроения моего кумира и возлюбленного:

— Ты странный какой-то. Неприятности? — спросила я.

— Неприятности, — согласился он.

— Какие?

— Надеюсь, временные.

Я нервно засмеялась:

— Так и будешь цедить слова?

Он улыбнулся:

— Мне не хочется говорить о неприятностях. Давай о хорошем. Как дела в школе?

— Мне тоже не хочется говорить о неприятностях, — сделала я попытку пошутить.

Лицо Марка слегка искривилось. Я явно прочла на нём: «Мне бы твои неприятности».

— Я понимаю. Ты думаешь, что неприятности у меня несерьёзные и проблемы детские.

— Нет, что ты, я вовсе не...

— Думаешь, думаешь, — прервала я. — Но я это без упрёка говорю. Просто как факт. Ты с девушкой своей что ли поссорился?

Он молчал.

— Это со всеми бывает, — продолжила я. — «Если проза в любви неизбежна, так возьмём и с неё долю счастья. После ссоры так полно, так нежно возвращение любви и участия...»

— Это чьи слова? — он поднял на меня удивлённый взгляд.

— Некрасова.

— Ууу. От девушки, которая наизусть знает Некрасова, можно ожидать чего угодно.

Я засмеялась. И тут же стало легче. Легче дышать, смотреть в его глаза, говорить. Наши разговоры перескакивали с одного на другое. Нам было весело и просто друг с другом, как бывает просто друг с другом давно знакомым людям.

— Мы целовались, — процедил сквозь зубы нехотя Макс. Он пришёл к Ленке, собрал всё руководство нашего штаба. Был первый весенний холодный вечер, ветер за окном выл, как будто злился на нас.

— И? — замерла я, ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— И хорошо, — закипел Макс. — Она хорошо целуется и вообще.

— Что вообще? — глупо переспросила я, хотя и так поняла, наш пособник влюбился в стерву.

— Нравится она мне.

— Но она же гулящая. Помани её сейчас другой, она и за ним пойдёт, как за тобой, как за Марком. Что же вы все в ней находите? — закричала я, ничуть не заботясь о том, что

нас услышат Ленкины родители, до того я была не в себе. Злые слёзы выступили на моих глазах, свои острые длинные ногти я вонзила в ладони.

— Понятно, что находят, — фыркнула пренебрежительно Ленка.

— Она не такая, — насупился Макс.

— А то, что она встречается с двумя одновременно тебя нисколько не смущает? — всё кипела я.

— Ну... я не знаю... я поговорю с ней... и... — промямлил Макс.

— Не смей! Не смей! — закричала я. — Этого ещё не хватало.

— Я не выдам вас, не бойтесь. Просто скажу, что знаю про Марка.

— Как она могла тебе понравиться? Не понимаю! Ведь ты же знаешь. Знаешь про неё всё!

— А может к лучшему? — остановила меня Ленка. — Макс признается ей в любви, она порвёт с Марком, все счаст-

ЛИВЫ.

Я задумалась:

— А если нет? Если она выбирает, с кем ей больше обломится?

— Так с Максом больше. У него папочка богатенький, — кивнула в сторону Макса Ленка.

— Я вообще-то здесь стою, и всё слышу. По-вашему, меня только из-за папиных денег полюбить можно? — взвился Макс.

— Ты ей говорил, что у тебя папа при деньгах? — осведомилась я ехидно.

— Ну, говорил, в самом начале, вы же сами сказали сказать, — забубнил Макс.

— Выводы сам делай, Буратинка, — сказала я.

— За такие слова и в глаз можно получить, — сжал кулаки Макс.

— Ударишь? — не поверила я. — Ударишь девочку?

— За словами последи.

— Да успокойтесь вы, — встала между нами Ленка. — Давайте спокойно обсудим наши дальнейшие планы.

— У нас почти что всё получилось. Подожди немного. Она сама — понимаешь сама — должна принять решение уйти от Марка, — убеждала я его, немного успокоившись. — Ну расскажешь ты ей, что о Марке знаешь. Кстати, откуда? Она обязательно поинтересуется. Сте... Аня выберет его. Вы слишком мало знакомы. Она признавалась тебе в любви или хотя бы в симпатии? Правильно, нет. Она останется с Марком, а ты с носом.

Макс насупился. Потом выдал:

— Ладно. Месяц. Ещё один месяц ждём.

Я облегчённо вздохнула. Может, через месяц Марк сам осознает, кто его судьба.

Я уже смело стучалась в двери его квартиры. Ведь мы же друзья, почему нет. Мы ещё раз сходили в кино. Предложи-

ла я, а он не отказался. Я ощущала себя его девушкой, и это ощущение было приятным. Образ стервы мелькал где-то возле, но я по-прежнему уповала на Макса.

Я снова была у него в гостях и осмелилась спросить:

— Марк... Мне, конечно, неудобно спрашивать, но твоя девушка... Она не против, что я прихожу к тебе в гости? Мне не хотелось бы, чтобы вдруг...

— Моя девушка? — он остановил взгляд прямо на моих зрачках. — Рита, я не знаю уже, есть ли у меня девушка. Она... да тебе это ни к чему, — он неопределённо махнул рукой.

— Мне так жаль, — лицемерно сказала я. Мне правда было жаль видеть его страдания. Но мне вовсе не было жаль, что у него больше нет стервы.

И тут я сделала то, чего сама от себя не ожидала. Я потянулась к нему. И он ответил на мой поцелуй, клянусь, он ответил.

Глава 6

Я убежала в испуге. Я и сама не поняла, чего конкретно испугалась. Так ждать и жаждать этого события, чтобы сбежать. Он не побежал следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.